

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

НАД ТЕМНОЙ
ВОДОЙ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Над темной водой / Николай Леонов, Алексей Макеев. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-04-241196-0

Полковнику МВД Льву Гурову поручено разобраться в деле одиннадцатилетней давности. Тогда в подмосковном поселке была убита молодая девушка Ксения. Местные жители указывали следствию на предполагаемого убийцу, но сыщики почему-то на это не отреагировали. В результате за решетку отправился добровольно взявший чужую вину на себя Василий Скачков. После освобождения Скачков признается Гурову, что действительно не убивал. Но кто же тогда, желая смерти, схватился за нож? Картина происшествия остается туманной, пока не появляются свидетели, видевшие преступление своими глазами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-241196-0

© Макеев А.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

Над темной водой

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Старик сидел на скамейке и невидящим взглядом смотрел перед собой. В руках он держал хлеб, и его пальцы, словно бы жившие сами по себе, отщипывали от горбушки небольшие кусочки и бросали наземь. И хотя его незрячие глаза не видели ни воробьев, прыгающих у самых его ног, ни голубей, летающихся к нему с крыши соседнего дома, но он чувствовал присутствие птиц, слышал шелест их крыльев, их суету, и на душе у него было тихо и спокойно. А что это было именно так, выдавала его улыбка, которую не могла скрыть даже густая, но аккуратно подстриженная седая борода.

Утро было раннее и воскресное. Солнце только-только встало из-за горизонта, а потому народ в большинстве своем еще нежилась в кроватях, досматривая сны и не торопясь вставать и приступать к своим домашним делам. За тот час, что старик сидел у ворот своего дома, мимо него прошли только двое — соседка Полина, которая работала в сельском магазине, и бездомный старый пес Викентий, который тоже плелся в этот час к магазину в надежде, что Полина накормит его колбасными обрезками.

Проходя мимо старика, Полина, не останавливаясь, поздоровалась с ним, а пес, подойдя, ткнул носом в стариковские колени и тяжело, по-стариковски же, вздохнул, словно бы сочувствуя и себе, и человеку. Птицы, зная, что пес их не тронет, не стали разлетаться, а лишь отпорхнули на некоторое расстояние, больше из вежливости, чем от страха. Викентий, подойдя

к старику и поздоровавшись с ним, не стал задерживаться и потрусил дальше, даже не понюхав рассыпанный на земле хлеб. Не потому, что брезговал съесть его, а потому, что знал — не для него он был крошён.

Пару раз мимо старика по дороге проехали машины. Одна из них коротким сигналом приветствовала старика, и тот поднял руку — поздоровался в ответ.

— И тебе, Паша, тоже доброго утра, — тихо сказал старик и продолжил неторопливо и задумчиво крошить хлеб.

Сентябрьское солнце пригревало, и уходить со своего места старику не хотелось. Да и не торопился он никуда. В доме его ждать было некому. Пусто было в доме старика. А коль в доме пусто и ждать некому, то и торопиться не стоит. Какая разница, когда ты вернешься в пустой дом — сейчас, через два часа или даже к вечеру? Все равно тебя там никто не ждет и не встретит.

Слева от старика слышались тяжелые, неторопливые шаги. Кто-то незнакомый подошел к скамейке и сел рядом. Незнакомый — именно так. Если бы это был кто-то из соседей, так старик бы его по шагам узнал. А так...

— Здорово, Иваныч. Жив еще, значит?

Голос показался старику знакомым, но он никак не мог вспомнить, кому он принадлежал, а потому и промолчал, не отвечая на приветствие.

— Ты оглох, что ли? — снова поинтересовался незнакомец. — А мне сестра писала, что ты ослеп. Получается, что и оглох тоже...

Голос звучал сочувственно, и теперь только по этой самой сочувственной интонации старик вспомнил, кому он, этот голос, принадлежит.

— Васька, ты, что ли? — спросил старик и повернул голову в ту сторону, где сидел его собеседник.

— Я, Пимен Иванович, кто же еще, — рассмеялся собеседник. — Не оглох, значит? Стало быть, ошибся я. А чего сразу-то не ответил? Не признал?

— Не признал, — улыбнулся старик. — Так ведь сколько лет прошло. Я думал, что и не доживу до твоего возвращения. Старуха моя вот не дожила... — Улыбка на лице старика угасла.

— Да... — сочувственно проговорил тот, кого старик назвал Василием. — Царствие небесное рабе божьей Марье Поликарповне. Писала мне Татьяна, что болела она у тебя сильно.

— Болела, родимая, — кивнул старик, но в подробности вдаваться не стал, а спросил: — А ты, значит, все — отсидел свой срок?

— Отсидел. Как положено. От звонка до звонка. Отбыл наказание и вернулся вот обратно.

В интонации говорившего старик почувствовал неприкрытую радость и потому уточнил:

— Рад, значит, что вернулся?

— Рад, Пимен Иванович, рад. Теперь, после всех моих мучений, радости у меня будет много. Жить буду хорошо и вольготно. Думаю даже бизнесом заняться. Во как.

Старик помолчал, словно бы прислушиваясь к своим внутренним ощущениям, а затем с некой долей иронии поинтересовался:

— А денег-то у тебя на бизнес хватит? Много ты их на зоне заработал?

— Не на зоне, это точно, но заработал, — рассмеялся мужчина и похлопал старика по коленке. — Это у нас в Желябино все считают Ваську Скачкова дурачком. А я совсем даже и не дурачок. Я знал, на что шел, когда десять лет назад сознался в убийстве Ксюхи. Так-то. Теперь я за эти свои десять лет жизни в тюрьме сполна получу. Буду жить как король. Ладно, Иваныч, пойду я. Дел у меня сегодня много. Да и у сестры я еще не был. Вот только зайду домой, гляну, что там, в хате, без меня за десять лет случилось, да и к сеструхе в Нахабино махну. Чего я тут, в этой дыре, забыл? У меня теперь жизнь другая намечается. Совсем другая, ты понял? Бывай. Увидимся еще...

Мужчина неторопливо встал, и старик услышал его удалявшиеся шаги.

— Как король, значит, — немного помолчав, покачал головой Пимен Иванович. — Ну-ну. Посмотрим, сосед, какой из тебя король получится, — скептически усмехнулся он в бороду и вздохнул.

А повод для скепсиса у Пимена Ивановича был весьма даже весомый. Потому что не зря Василия Скачкова в деревне Желябино все считали дурачком. Ой, не зря. Уж это Пимен Иванович знал точно. Так же точно, что Василий не был никаким боком причастен к тому давнему убийству одиннадцатилетней давности. И как то, что никаким королем, как он о том мечтал, Ваське Скачкову в жизни не стать. Есть люди, которым королями не стать ни при каком раскладе — даже если осыпать их золотом. И Василий Скачков был как раз из таких людей.

— Эх, где мои годы, — прокряхтел старик, тяжело вставая со скамейки. — Скинуть бы мне сейчас лет сорок или хотя бы тридцать. Вот тогда бы я всю эту историю на чистую воду вывел. А теперь что? Теперь времена другие. Пора идти кашу варить да о делах небесных думать, а не о земных.

Старик неторопливо пошаркал к калитке, но, не дойдя, остановился, прислушиваясь. Кто-то торопливо переходил дорогу за его спиной.

— Увидела, значит, в окно, — проговорил старик сам себе и неторопливо развернулся. — Рано встала, Лидия. Чего не спится-то? Выходной ведь, — обратился он к подходившей к нему женщине.

— А то ты сам не знаешь, отчего я к тебе поспешила, — ответила женщина и запоздало поздоровалась: — Доброго тебе утра, Пимен Иванович. Пойдем в дом. Я тебе пирогов принесла. Вчера вечером на ужин стряпала. Ты ведь не завтракал еще? Вот и поешь с чайком.

— Идем в дом, там поговорим, — согласно кивнул старик и, позволив женщине взять себя под руку, направился по дорожке, ведущей к дому.

Едва вошли в хату, соседка привычно засуетилась, стала накрывать на стол, поставила на плиту чайник. Вопросов не задавала, пока старик не сел за стол и не откусил один из принесенных пирогов.

— Васька? — спросила она и в ожидании ответа на свой незатейливый вопрос не отрываясь, пристально стала смотреть на лицо старика.

Смотрела так, словно старалась угадать по выражению лица Пимена Ивановича, каково его отношение ко всему, что произошло — к возвращению Скачкова из тюрьмы, к их разговору на скамейке, к тому, что может произойти дальше. Старик неторопливо прожевал пирог и ответил:

— А то сама не видела. Вернулся вот.

Он снова замолчал и продолжил есть, неторопливо дуя на горячий чай и так же неторопливо и тщательно прожевывая откусанные от пирога куски. Женщина нетерпеливо поерзала на стуле, но торопить старика не стала. Знала его характер. Ждала, когда он сам все ей расскажет.

— Веселый вернулся, — наконец ответил ей на незаданный вопрос Пимен Иванович. — Рассказывает, что теперь, после отсидки, будет жить как король. Бизнесом думает заняться. Как думаешь, займется? — насмешливо поинтересовался он у собеседницы.

Та ответила не сразу. После слов старика она нахмурила брови, задумчиво потерела пуговицу на кофточке, а только потом, покачав головой, ответила:

— Как был дурачком, так и остался. Не научила его, видать, тюрьма уму-разуму. Надо бы Татьяне позвонить. Поговорить с ней. Не ровен час, беду себе на голову Васька накличет. Сидел бы уж теперь тихо-то. Не ворошил прошлое. Ксюшку уже не вернешь, а мужика жалко будет, если по дурости своей снова в нехорошую историю попадет. А то ведь и того хуже все для него может обернуться.

— Может, — согласился с доводами соседки старик.

— Ты, Пимен Иванович, у нас человек грамотный, жизнью наученный, с законами знакомый. Недаром прокурором большого города когда-то был. Знаешь, что такие, как наш Василий, как кошки, на свой хребет наскрести могут, если молчать не будут и на рожон полезут. А ведь он по глупости своей полезет. Полезет, как думаете?

— Васька-то? Васька полезет, — снова согласился Пимен Иванович.

— Вот и я говорю. Я ведь его с малых лет знаю. Да и не только я. И вы, да и все в Желябино его знают, — вздохнула женщина. — Посоветуйте, Пимен Иванович, что делать-то.

— Так если бы я знал... — Старик пригладил пятерней бороду. — Пока не знаю. Надо подумать. Подождать. А ты, Лидия Максимовна, как и хотела, позвони Татьяне. Поговори с ней. Пускай присмотрит за братом. Во всяком случае, пускай он пока у нее поживет. Может, и обойдется все.

— А если нет? — с беспокойством посмотрела на старика женщина. — Васька ведь, если узнает, что его обманули... А может, не обманули? — задалась она вопросом.

Старик понял это по ее интонации и ответил:

— Скорее всего, обманули. Не думаю я, что они тогда Ваське всерьез что-то обещали. Да и десять лет прошло с тех пор... Много чего за это время изменилось. Много чего...

Они помолчали, размышляя каждый о своем, потом женщина встала:

— Так я побегу. Позвоню Татьяне. А перед обедом снова к вам забегу. Щей принесу да ужин вам приготовлю.

— Беги, Лидия Максимовна. Дай бог тебе здоровья. А насчет Васьки не переживай. Придумаем что-нибудь. И скажи Татьяне, чтобы в случае чего тебе звонила. Не держала в себе, о чем брат ее помышляет. Так и до беды недолго. Миром зло победить всегда легче, чем в одиночку. Придумаем что-нибудь.

Соседка ушла, а старик задумался. Легко сказать — придумаем, да тяжело сделать. Что тут придумаешь, когда с какой стороны ни зайди, а все упирается в одно — в то самое старое дело одиннадцатилетней давности. И даже не в само дело, а в то, как и кем оно проводилось. Хотя и давно это было, и много с тех пор, как говорят, воды утекло, да вот только люди, что вели это дело, остались. Они — живы. И многие из них теперь так высоко стоят на лестнице власти и при таких деньгах, что просто так их с этой лестницы не скинешь, не собьешь. Очень уж они там крепко стоят и мертвой хваткой держатся за свое положение и свою власть. А что он, старик, может против властей предержащих сделать? Ничего. Будь он хоть трижды бывший прокурор большого города. Главное слово тут будет не «прокурор», а «бывший». Вот то-то и оно...

Пимен Иванович на ощупь прибрал со стола и так же на ощупь помыл за собой посуду. Он давно уже научился ухаживать за собой

сам — несмотря на слепоту. Не все, конечно, ему удавалось. Но соседки — Полина и Лидия — не бросали его после смерти жены и исправно прибегали помочь ему по хозяйству. Полина приносила продукты из магазина, прибирала дом и забирала в стирку грязное белье, а Лидия готовила еду, прибирала во дворе. Муж Лидии Максимовны, Павел, по субботним дням топил баню и сам ходил со стариком, составляя ему компанию и в бане, и за ужином, с чарочкой хмельного после мытья.

Но во всем остальном старик обходился без посторонней помощи. Жена умерла семь лет назад, когда зрение у него еще какое-никакое, но было. Так что с домашним хозяйством он управляться научился. А когда ослеп и врачи сказали, что поздно и операцию проводить, да и толку с той операции, пожалуй, не будет никакого, то принял этот приговор как должное — терпеливо стал учиться жить в темноте. Но и от помощи соседок не отказывался. Понимал, что эта помощь есть благо от Бога.

Раньше, когда Пимен Иванович был прокурором большого города, он ни в какого Бога не верил. В советское время коммунистам не полагалось быть верующими. Вот он и не был. И даже жену свою за эту веру иной раз укорял — она-то, в отличие от него, пыталась верить. Но потом, когда он ушел на пенсию и уехал из большого города на житье в Желябино, то стал задумываться о бытии и о создателе сего бытия. И даже в местную церковь на службу начал ходить, а потом и крестился. Чем немало порадовал свою жену.

Жизнь свою и службу в прокуратуре Пимен Иванович, поселившись в Желябино, вспоминал часто. И даже успел написать книгу о своей прошлой работе и о тех делах, которые ему приходилось тогда вести. И книгу ту даже местные власти за свой счет из уважения к Пимену Ивановичу напечатали. Он тогда эту книгу всем соседям раздарил...

— Давно это было, — вздохнул старик, вспоминая свое прошлое вслух. Ну а с кем ему еще было поговорить, как не с самим собой? — Васька Скачков тогда совсем пацаном был. В классе пятом, кажется, учился. М-да... Давно было.

С семейством Скачковых Пимен Иванович Матюшин был знаком с той самой поры, как переехал в село. С соседями как

не познакомиться? Тогда и мать, и отец Василия и Татьяны еще живы были. Они оба погибли через год после того, как сын их, по глупости своей, сел в тюрьму. Поехали к нему на свидание на своей машине, да не вернулись обратно живыми. В аварию случилось попасть. Татьяна, старшая сестра Василия, к тому времени давно уже замужем была. Жила с мужем и дочкой в соседнем поселке городского типа Нахабино. Дом же Скачковых с тех пор так и стоял нежилым. Татьяна, вступив в наследство, продавать его не торопилась. Первые годы после смерти родителей использовала дом как дачу, но недолго, всего года три или четыре, а потом только наездами в отчем доме бывала. Продавать не хотела, думала брату отписать дарственную, когда тот вернется после отсидки.

— Похоже, что Василий не собирается оставаться в селе, — снова вслух произнес Пимен Иванович, размышляя о соседях и о том, что пути Господа неисповедимы и неведомы простым смертным. — Зря Татьяна не продала дом сразу после смерти родителей. Хорошую цену за него давали. А теперь, пожалуй, уже не дадут. Дом, должно быть, неухоженный, ремонт требуется. Все брошенные дома становятся неухоженными... А кто его будет делать, тот ремонт?

Старик вздохнул и подумал, что и у его дома теперь та же самая беда: нет хозяйских рук и некому за домом присматривать. Из слепого какой хозяин? Вот то-то и оно. А ведь и его дом тоже надо будет кому-то продавать, пока еще есть что продать. Вот и Лидия Максимовна не так давно на это ему намекала. Мол, пока дом еще крепкий, надо покупателя на него найти. Наследников-то у Пимена Ивановича не было. Был когда-то сын, да и тот еще в раннем детстве умер.

— Надо что-то придумать. — Мысли старика от воспоминаний об умершем сыне снова перескочили на сегодняшний день и на стоявшую перед ним проблему — как уберечь Василия Скачкова от беды. — Надо с кем-то посоветоваться... С кем? Есть только один человек, с которым я могу об этом поговорить со всей откровенностью. Только один... Надо найти его номер телефона.

Пимен Иванович неторопливо, как это и положено делать слепым людям, прошел из главной комнаты в спальню. Добрав-

шись до комода, он открыл верхний ящик и стал рыться в нем, на ощупь отыскивая под лежавшим там бельем старую записную книжку. Наконец, нащупав, вытянул ее наружу и задумался. Найти-то он ее нашел, а вот отыскать и прочесть в ней нужный ему номер он никак не мог. Идти к Лидии, чтобы просить ее найти этот номер и набрать его на телефоне, он тоже не хотел. И не потому, что не мог сделать это физически, а потому, что не хотел, чтобы она знала, что он, Пимен Иванович, звонил этому человеку и разговаривал с ним о той самой давней трагедии — об убийстве ее, Лидии Максимовны Щегловой, дочери Ксении.

Как же быть? К кому можно обратиться за помощью и кто не расскажет потом Лидии, что он звонил Штукатурову? Пимен Иванович задумался. Из глубокой задумчивости его вывел голос соседа — мужа Полины.

— Иваныч, ты где затаился? Завис, понимаешь, как компьютер над неразрешимой задачей. Или оглох? Я тебя два раза позвал, а ты не отвечаешь. Или случилось чего?

— Случилось, — ответил бывший прокурор большого города. — Сам бог тебя ко мне привел, Митя. Подойди ближе. Мы с тобой сейчас секретничать будем.

— Хм, интересно, — шагнул в его сторону сосед. — Рассказывай, что у тебя на уме.

— К вам утром Лидия не заходила? — поинтересовался Пимен Иванович, садясь на кровать и жестом приглашая соседа последовать его примеру.

— Нет, не было, — с некоторым удивлением ответил сосед. — Да и для чего ей заходить? Полька в свой магазин ушла. Сегодня ее смена. А больше у нас сплетничать не с кем. Разве что с котом. Но и он с раннего утра куда-то из дома сбежал.

— Это хорошо, — заметил старик.

— Что хорошо? Что кот убежал, или что Полина на смену ушла, или... — весело начал перечислять Дмитрий Евгеньевич, а попросту и по-соседски — Митя.

— Все хорошо, — прервал его Пимен Иванович. — Особенно что, кроме Полины и кота, у вас Лидии и поговорить не с кем. Ты, я знаю, человек-могила, и тебе можно доверять. Можно или нет, я спрашиваю?